

Сара Уотерс — автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову.

Daily Mail

БЛИЗОСТЬ

18+

УОТТЕРС

Содержание

[Часть I](#)

[Часть II](#)

[Часть III](#)

[Часть IV](#)

[Часть V](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
САРЫ УОТЕРС,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Тонкая работа
Маленький незнакомец
Дорогие гости
Бархатные коготки
Близость

У С О Т Е Р А С

*Б*ЛИЗОСТЬ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Sarah Waters
AFFINITY
Copyright © 1999 by Sarah Waters
All rights reserved

Перевод с английского *Марии Куренной*
Оформление обложки *Виктории Манацковой*

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Уотерс С.

Близость : роман / Сара Уотерс ; пер. с англ. М. Куренной. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18792-4

18+

Сара Уотерс — современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (Daily Mail) — трижды попадала в шорт-лист Букеровской премии. Замысел «Близости» возник у писательницы благодаря архивным изысканиям для академической статьи о викторианском спиритизме, которую Уотерс готовила параллельно работе над своим дебютным романом «Бархатные коготки».

Маргарет Прайер приходит в себя после смерти отца и попытки самоубийства. По настоянию старого отцовского друга она принимается навещать женскую тюрьму Миллбанк, беседовать с заключенными, оказывая им моральную поддержку. Интерес ее приковывает Селина Доус — трансмедиум, осужденная после того, как один из ее спиритических сеансов окончился трагически. Постепенно интерес обращается наваждением — ведь Селина уверяет, что их соединяет вибрирующий провод, свитый из темной материи...

В 2008 году режиссер Тим Файвелл, известный работой над сериалами «Женщина в белом», «Ледяной дом», «Дракула», поставил одноименный телефильм, главные роли исполнили Зои Татлер, Анна Маделей, Домини Блайт, Аманда Пламмер.

Роман, ранее выходивший под названием «Нить, сотканная из тьмы», публикуется в новом переводе.

© М. В. Куренная, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

Благодарности

Автор выражает признательность Лоре Гоуинг, Джудит Марри, Салли Эбби, Салли О.-Дж., Джудит Скиннер, Симеону Шулю, Кэти Уотсон, Леону Файнстайну, Десе Филиппи, Кэрол Суэйн, Джудит Истер, Бернару Гольфье, Джой Топерофф, Алану Мелзаку и Кери Уильямс.

Написание «Близости» частично финансировалось за счет Премии для новых лондонских писателей от Лондонского совета по искусству, за что я также крайне признательна.

Посвящается Каролине Халлидей

3 августа 1873 г.

Так страшно мне еще никогда не было. Я сижу в темноте, лишь из окна падает слабый свет, при котором и пишу. Они заперли меня в моей комнате. Сперва велели Рут это сделать, но она отказалась: «Помилуйте! Чтобы я заперла свою ни в чем не повинную хозяйку?» Тогда доктор взял у нее ключ и сам запер дверь, а ей велел уйти. Теперь дом полон голосов, постоянно повторяющих мое имя. Если закрыть глаза и прислушаться, легко представить, будто сегодня самый обычный вечер. Будто я сижу в ожидании, когда придет миссис Бринк и отведет меня в темный круг, где Маделина или другая девушка заливается румянцем при мысли о Питере, о его пышных черных бакенбардах и сияющих руках.

Но миссис Бринк лежит одна-одинешенька в своей холодной постели, а Маделина Сильвестр истерически рыдает внизу. Ну а Питер Квик исчез — думаю, навсегда.

Он был слишком груб, а Маделина слишком взбудоражена. Когда я сообщила, что чувствую его присутствие, она задрожала и крепко зажмурилась.

— Да это же Питер, — сказала я. — Вы ведь не боитесь его, правда? Поглядите, вот он. Ну же, посмотрите на него, откройте глаза.

Но она лишь потрясла головой и пролепетала:

— Ах, я ужасно боюсь! Ах, мисс Доус, прошу вас, не подпускайте его ко мне!

Ну, многие дамы говорили подобное, когда Питер являлся к ним впервые. Услышав Маделину, он расхохотался:

— Что за вздор, а? Или я проделал весь этот путь для того лишь, чтобы меня отослали обратно? Да знаешь ли ты, сколь труден переход оттуда сюда и какие страдания я претерпел — все ради тебя?

Маделина расплакалась — да, иные, бывает, плачут.

— Не сердись, Питер. Маделина просто испугалась, — сказала я. — Будь помягче, и она тебя подпустит, я уверена.

Однако, когда он бесшумно подступил и прикоснулся к ней, Маделина пронзительно взвизгнула, вся оцепенела и побелела.

— Да что с тобой, глупая девчонка? — разозлился Питер. — Ты же все портишь. Так хочешь, чтобы я тебе помог, или нет?

Но она снова завизжала, а потом упала — повалилась прямо на пол и забилась как припадочная. Я никогда прежде не видела, чтобы приличная барышня вытворяла такое.

— О боже, Питер! — вскрикнула я.

Он коротко покосился на меня, потом прорычал:

— Ах ты, маленькая дрянь! — и схватил Маделину за ноги, а я зажала ей рот.

Я просто хотела, чтобы она умолкла и прекратила дрыгаться. Потом я увидела на своих руках кровь, — верно, Маделина прокусила язык или расшибла нос. Я не сразу и сообразила, что это кровь, такой черной она казалась, такой горячей и густой — словно расплавленный сургуч.

Но, даже захлебываясь кровью, Маделина продолжала истошно вопить, и в конце концов на шум прибежала миссис Бринк. В холле зашаркали торопливые шаги и раздался испуганный голос:

— Что стряслось, мисс Доус? Вы поранились? Ушиблись?

Маделина резко вывернулась всем телом и заорала благим матом:

— Миссис Бринк! Спасите, помогите! Убивают!

Питер наклонился и ударил ее по лицу, после чего она вся обмякла и затихла. Я испугалась, что мы и впрямь ее убили.

— Что ты наделал, Питер? — прошипела я. — Уходи! Уходи сейчас же!

Но едва он сдвинулся с места, дверная ручка с лязгом повернулась и на пороге возникла миссис Бринк — она прихватила с собой свой ключ, которым и отперла дверь. В руке у нее была лампа.

— Закройте дверь, — сказала я. — Здесь Питер, свет причиняет ему боль!

Но миссис Бринк единственно спросила:

— Что случилось? Что вы наделали?

Она посмотрела на Маделину, неподвижно лежавшую на полу, с разметанными вокруг головы рыжими волосами, потом перевела взгляд на меня, на мою порванную нижнюю юбку и на мои руки, испачканные в крови, теперь не черной, а алой. Затем посмотрела на Питера. Он закрывал лицо ладонями и кричал:

— Уберите свет! Уберите свет!

Накидка на нем распахнулась, обнажив белые ноги, но миссис Бринк все не опускала лампу, зажатую в трясущейся руке.

— Ах! — наконец выдохнула она, опять посмотрела на меня, на Маделину, схватилась за сердце и простонала: — Неужто... и она тоже? Ой, мама моя! Ой, маменька!

Она поставила лампу и отвернула лицо к стене, а когда я подошла — уперлась пальцами мне в грудь и оттолкнула.

Я оглянулась на Питера, но он уже исчез. Только-только халась темная штора, на которой остался серебристый след от его руки.

В конечном счете умерла не Маделина вовсе, а миссис Бринк. Маделина просто лишилась чувств; когда служанка помогла ей одеться и увела в другую комнату,

я слышала, как она ходит там и плачет. Но вот миссис Бринк становилось все хуже и хуже, она едва держалась на ногах. Прибежала Рут, ахнула: «что с вами?» — и уложила ее на диван в гостиной.

— Сейчас вам полегчает, сейчас отпустит. Видите, я здесь, с вами, и здесь мисс Доус, которая вас любит, — бормотала она, сжимая ей руку.

Миссис Бринк попыталась заговорить, но язык не слушался, и тогда Рут сказала, что надо срочно послать за доктором. Обливаясь слезами, она продолжала держать миссис Бринк за руку все время, пока доктор проводил осмотр. Вскорости миссис Бринк испустила дух. Так ни словечка и не вымолвила, сказала Рут, только опять маму звала. Доктор сказал, что перед самой смертью старые дамы часто становятся как дети малые. Еще сказал, что сердце у миссис Бринк сильно увеличено и, по всему судя, всегда было слабым — просто удивительно, что она вообще дожила до столь солидного возраста.

Еще немного, и он бы ушел, не догадавшись спросить, что же так напугало миссис Бринк, но тут в гостиную ворвалась миссис Сильвестр с требованием осмотреть Маделину. При виде синяков у нее на теле доктор помрачнел и заговорил очень тихим голосом. А дело-то подозрительнее, чем казалось поначалу, сказал он.

— Подозрительнее? — возопила миссис Сильвестр. — Я лично называю это преступлением!

Она потребовала вызвать полисмена, вот почему меня заперли в моей комнате. Сейчас полисмен выясняет у Маделины, кто нанес ей телесные повреждения. Она отвечает, мол, Питер Квик, а мужчины недоумевают:

— Питер Квик? Какой еще Питер Квик? О чем вы?

Во всем большом доме не горит ни один камин, и, хотя на дворе август, я ужасно мерзну. Мне кажется, я никогда уже не согреюсь! Мне кажется, я никогда уже не успокоюсь. Мне кажется, я никогда уже не стану

собой прежней. Я обвожу взглядом комнату и не вижу в ней ничего своего. Запах цветов из сада миссис Бринк и духов на туалетном столике ее матери; полированная мебель, узорный ковер; папироски, скрученные мною для Питера; блестящие украшения в шкатулке; мое бледное лицо в зеркале... но все кажется чужим, незнакомым. Ах, если бы только я могла закрыть глаза, потом снова открыть — и вновь очутиться в доме на Бетнал-Грин, рядом с моей тетушкой, сидящей в своем деревянном кресле. Или даже в гостинице мистера Винси, в убогом номере с окном, выходящим на глухую кирпичную стену. Я сто раз предпочла бы находиться там, нежели здесь.

Час уже очень поздний, в Хрустальном дворце¹ погашены все огни. Я вижу лишь черный силуэт громадного здания на фоне ночного неба. Теперь я слышу голос полисмена, возмущенные крики миссис Сильвестр и рыдания Маделины. Спальня миссис Бринк — единственное тихое место в доме. Я знаю, что она лежит там, совсем одна в темноте. Лежит прямо и неподвижно, накрытая одеялом. Возможно, она слышит крики и плач. Возможно, она все еще хочет разомкнуть уста и заговорить. И я знаю, что она сказала бы, кабы могла. Знаю столь хорошо, что кажется, въявь слышу каждое слово.

Ее тихий голос, слышный лишь мне одной, самый жуткий из всех голосов.

---

¹ *Хрустальный дворец* — выставочный павильон, построенный в Гайд-парке к Всемирной выставке 1851 г., а впоследствии разобранный и перенесенный в лондонское предместье Сиднем-Хилл.

ЧАСТЬ I

24 сентября 1874 г.

Папа любил повторять, что на основе любых событий можно написать стройную историю: главное здесь — решить, с чего начать и на чем закончить. Вот и вся недолга, усмехался он. Вероятно, события, с которыми он имел дело, было легче просеивать таким вот образом, сортировать и классифицировать: великие жизни, великие труды — блестящие, четкие и завершенные, как металлические типографские литеры в наборном ящике.

Ах, как же мне недостает папы! Я спросила бы у него, с чего бы *он* начал повествование, к которому я сейчас приступаю. Спросила бы, как складно изложить историю тюрьмы, заключающей в своих стенах столь много разных судеб; тюрьмы Миллбанк, которая имеет столь необычную форму и производит столь мрачное впечатление своими бесконечными извилистыми коридорами и несчетными решетками ворот.

Начал бы он со строительства тюремных корпусов? Я этого сделать не могу, поскольку, хотя мне и назвали дату постройки не далее чем сегодня утром, она уже вылетела у меня из головы. Кроме того, тюрьма Миллбанк такая прочная и такая древняя, что мне просто не вообразить время, когда она не стояла здесь, на угрюмом берегу Темзы, отбрасывая тень на голую черную землю.

В таком случае, возможно, папа начал бы с визита ко мне мистера Шиллитоу три недели назад; или с нынешнего утра, когда ровно в семь Эллис принесла мне мое серое платье и пелерину... впрочем, нет, он не стал бы начинать историю с дамы и служанки, с нижних

юбок и распущенных волос.

А начал бы, пожалуй, с главных ворот Миллбанка, через которые неминуемо проходит каждый посетитель, желающий обозреть тюремные корпуса. Ну так и я начну отсюда, с вашего позволения.

Меня приветствует тюремный привратник, отмечающий мое имя в толстенном учетном журнале; затем караульный ведет меня через узкую арку, и я уже вот-вот ступлю на территорию собственно тюрьмы...

Но прежде, однако, я вынуждена остановиться и немного повозиться со своей юбкой, простой, но широкой, которая зацепилась за какую-то торчащую железяку или камень. Про такую мелочь, как короткая возня с юбкой, папа, конечно же, не стал бы упоминать, но я все же упомяну, ибо только теперь, подняв наконец глаза от своего метущего землю подола, я впервые вижу пятиугольные корпуса Миллбанка — и своей внезапной близостью они наводят на меня жуть. Я смотрю на них, и сердце мое колотится, и мне страшно.

Неделю назад мистер Шиллитоу прислал мне план Миллбанка, который с тех пор приколот к стене подле моего письменного стола. На схеме тюрьма обладает своего рода странным очарованием: пятиугольники корпусов выглядят лепестками геометрического цветка или секциями орнамента в детском альбоме для раскрашивания. В действительности же Миллбанк напрочь лишен очарования. Размеры тюрьмы громадны, а линии и углы, воплощенные в стенах и башнях из желтого кирпича и в забранных решетчатыми ставнями окнах, кажутся каким-то чудовищным извращением. Такое впечатление, будто здание проектировал человек, одержимый бредом или безумием, либо же замысел архитектора именно и состоял в том, чтобы оно сводило с ума своих обитателей. Я бы точно повредила рассудком, если бы работала здесь надзирательницей.

Так или иначе, я с замиранием сердца последовала за

своим провожатым и лишь раз замедлила шаг, чтобы оглянуться, а потом посмотреть на клин неба над головой. Внутренние ворота Миллбанка расположены в стыке двух пятиугольников, и, когда идешь к ним по сужающейся полосе гравия, чувствуешь, как стены надвигаются на тебя с обеих сторон, словно сходящиеся скалы Босфора. Тени здесь, отброшенные грязно-желтыми кирпичами, отливают синевой кровоподтеков. Земля, из которой вырастают стены, сырая и темная, как табак.

Воздух, пропитанный кислыми испарениями почвы, стал еще более затхлым, когда меня ввели в здание и заперли за мной ворота. Сердце мое забилося пуще прежнего и продолжало глухо колотиться, пока я сидела в голой комнатушке и наблюдала через открытую дверь за хмурыми надзирателями, которые, негромко переговариваясь, проходили по коридору мимо.

Когда наконец появился мистер Шиллитоу, я порывисто пожала ему руку и воскликнула:

— Рада вас видеть! Я уже начала бояться, что меня примут за вновь прибывшую осужденную и отведут в камеру!

Он рассмеялся и сказал, что подобных недоразумений в Миллбанке никогда еще не случалось.

Затем мы с ним направились в глубину тюрьмы: мистер Шиллитоу решил, что лучше сразу отвести меня в кабинет начальницы женского отделения, главной смотрительницы мисс Хэксби. По пути он пояснял наш маршрут, который я пыталась мысленно соотнести с досконально изученной мною бумажной схемой; но планировка тюрьмы столь причудлива, что вскоре я совершенно потеряла ориентацию. В корпуса, где содержались мужчины, мы точно не заходили. Только прошли мимо ворот, которые вели к ним из центрального шестиугольного здания, где размещались

кладовые, лазарет, кабинет самого мистера Шиллитоу и конторы низших служащих, изоляторы и часовня.

— Видите? — Он кивком указал на желтые трубы за окном, из которых валил дым от печей тюремной прачечной. — У нас тут настоящий город в городе! Полное самообслуживание. Думаю, мы успешно выдержали бы длительную осаду.

Он говорил с неприкрытой гордостью, почти хвастливо, но тотчас же сам и усмехнулся, словно позабавленный своим тоном, а я улыбнулась в ответ. Если я и сумела справиться с робостью, объявшей меня, когда внутренние ворота тюрьмы закрылись за мной, отсекая воздух и свет дня, то теперь, когда ворота эти остались далеко позади, в самом начале сумрачного запутанного пути, по которому мне одной нипочем не вернуться, — теперь я опять исполнилась тревоги. На прошлой неделе, разбирая папины бумаги, я наткнулась на альбом тюремных гравюр Пиранези² и целый час с муторным чувством разглядывала их, рисуя в воображении жуткие картины, что предстанут передо мной в скором будущем. Разумеется, ничего похожего на них я здесь не увидела. Мы шли чередой опрятных побеленных коридоров, на перекрестьях которых нас приветствовали караульные в темной форменной одежде. Но именно опрятность и схожесть этих коридоров и этих людей внушала тревогу: проведи меня хоть десять раз одним и тем же путем, я так и не пойму, что уже по нему проходила. И еще шум, отвратительный шум, здесь стоящий, терзает нервы. Каждый караульный с лязгом отодвигает засов решетки, которая, открываясь, резко скрежещет петлями, потом с грохотом захлопывается и все с тем же ужасным лязгом запирается. По пустым коридорам разносится многослойное эхо других решеток, других засовов и замков, далеких и близких. Такое ощущение, будто тюрьма находится в самом центре нескончаемой грозы,

от которой у меня звенит в ушах.

Наконец мы подошли к старинной клепаной двери с задвижным окошечком, которая оказалась входом в женское отделение. Открывшая нам надзирательница поприветствовала мистера Шиллиту книксеном. Поскольку она была первой женщиной, мною здесь встреченной, я постаралась рассмотреть ее возможно лучше. Моложавая, бледная, не улыбкающая дама в сером шерстяном платье, короткой черной пелерине, серой соломенной шляпке с голубой отделкой и грубых черных башмаках на плоской подошве, каковой комплект, как я поняла впоследствии, был тюремной униформой. Заметив мой пристальный взгляд, она сделала книксен и мне, а мистер Шиллиту представил нас друг другу:

— Мисс Ридли, старшая матрона. Мисс Прайер, наша новая добровольная посетительница.

Когда мисс Ридли зашагала впереди нас, раздалось мерное металлическое звяканье, и тогда я увидела, что она, как и все надзиратели, носит широкий кожаный ремень с латунной пряжкой, к которой прицеплена связка блестящих тюремных ключей. Чередой все таких же безликих коридоров матрона провела нас к винтовой лестнице, ведущей на самый верх башни, где в белой круглой комнате со множеством окон размещается кабинет мисс Хэксби.

— Сейчас вы поймете, чем хороша такая планировка, — сказал мистер Шиллиту, когда мы, краснея и отдуваясь, поднимались по ступенькам.

И действительно, я сразу поняла: башня возвышается над внутренними дворами пятиугольника, и из нее видны все стены с зарешеченными окнами, образующие внутренний фасад женского корпуса. Обстановка в комнате скудная. Пол голый. Меж двух невысоких стоек навешена веревка, перед которой должны становиться арестантки, сюда приведенные, а за веревкой —

письменный стол. За ним сидела и писала что-то в большом черном журнале сама мисс Хэксби — «тюремный Аргус», как с улыбкой назвал ее мистер Шиллитоу.

При нашем появлении она встала, сняла очки и тоже сделала книксен.

Она миниатюрная дама с совершенно белыми волосами и пронзительными глазами. К побеленной кирпичной стене за столом крепко привинчена эмалированная табличка, на которой черными буквами значится:

«Ты положил беззакония наши пред Тобою, и тайное наше пред светом лица Твоего»³.

Войдя в эту комнату, невольно испытываешь желание тотчас же подойти к одному из изогнутых окон и посмотреть на вид из него. Заметив мое жгучее любопытство, мистер Шиллитоу промолвил:

— Да-да, мисс Прайер, подойдите к окну, прошу вас.

С минуту я разглядывала неправильные четырехугольники дворов внизу, потом внимательнее всмотрелась в уродливые тюремные стены с рядами частых узких окон.

— Не правда ли, вид прекрасный и жуткий одновременно? — спросил мистер Шиллитоу.

Передо мной была вся женская тюрьма, за каждым окном — одиночная камера с узницей.

Мистер Шиллитоу повернулся к мисс Хэксби:

— Сколько сейчас человек в вашем отделении?

— Двести семьдесят, — ответила она.

— Двести семьдесят! — повторил мистер Шиллитоу, трясая головой. — Вы только представьте на минутку, мисс Прайер, этих несчастных женщин и темные кривые пути, приведшие их в Миллбанк! Воровки, проститутки, жертвы порока, которым неведомы стыд, понятие долга и прочие благородные чувства — да-да, совершенно неведомы, поверьте мне. Общество вынесло

им приговор и передало нам — мисс Хэксби и мне — под опеку. И в чем же, спросите вы, состоит наша опека? Отвечаю. Мы прививаем им полезные привычки. Учим молиться, учим благопристойному поведению. Да, в силу необходимости они бóльшую часть времени проводят в одиночестве, в стенах своих камер. Кто-то из них... — он снова кивнул на окно перед нами, — здесь на три года, кто-то на шесть или семь лет. Вот они там, сидят под замком наедине со своими думами. Мы можем усмирить их языки, можем занять их руки, но над их душами, мисс Прайер, но над их грязными воспоминаниями, гнусными мыслями и низменными устремлениями мы не властны. Верно, мисс Хэксби?

— Да, сэр.

— Но все же вы полагаете, что добровольная посетительница может оказать на них благотворное влияние? — спросила я.

— Безусловно, — ответил он. — Вне всякого сомнения. Эти несчастные безнадзорные души сродни душам детей или дикарей — они впечатлительны и восприимчивы, и нужен лишь качественный шаблон, чтобы сформировать их должным образом. Конечно, перевоспитанием могли бы заняться и наши матроны, — продолжал он, — но рабочие смены у них долгие, а обязанности весьма тяжелые. Арестантки порой на них ожесточаются и бывают очень грубы. Но если к ним явится дама из общества, мисс Прайер, если *она* возьмется за труд перевоспитания! Стоит лишь им уразуметь, что она оставила свою благополучную жизнь, дабы навестить их и поинтересоваться их жалкими судьбами; стоит лишь им увидеть прискорбный контраст между речью и манерами этой дамы и собственными низкими повадками, они смягчаются и покоряются — я не раз видел такое! И мисс Хэксби видела! Все дело здесь в полезном влиянии, в сострадании, в укрощении дурных чувств...

Он продолжал дальше в таком же духе. Разумеется, почти все это мистер Шиллитоу уже говорил мне три недели назад в нашей гостиной — и там, в присутствии моей хмурой матери, под мерное тиканье каминных часов, речи его звучали очень убедительно. Должно быть, после кончины вашего отца вы томитесь бездельем, мисс Прайер, сказал мистер Шиллитоу. Он зашел к нам для того только, чтобы забрать несколько книг, когда-то взятых у него папой, и не понял, что я вовсе не томлюсь бездельем, а попросту больна. Тогда я даже порадовалась, что он этого не понял. Сейчас, однако, видя перед собой угрюмые стены тюрьмы, чувствуя взгляды мисс Хэксби и мисс Ридли, которая стояла у двери со скрещенными на груди руками и с этой своей связкой ключей на ремне, — сейчас я вдруг испугалась до смерти. На миг мне захотелось, чтобы они распознали во мне малодушную слабость и отправили меня домой — как порой отправляла мать из театра, когда видела, что от переживаний я вот-вот расплачусь навзрыд в тишине зрительного зала.

Однако они ничего не заметили. Мистер Шиллитоу продолжал говорить — об истории Миллбанка, о здешнем распорядке, персонале и посетителях. Я слушала и кивала; мисс Хэксби тоже кивала изредка. Спустя несколько времени где-то в тюрьме зазвонил колокол; мистер Шиллитоу и матроны разом встrepенулись, и мистер Шиллитоу сказал, что слишком уж заболтался. По сигналу колокола, пояснил он, арестанток выводят во дворы на прогулку; сейчас он вынужден препоручить меня заботам матрон, но я непременно должна зайти к нему в другой раз и поделиться впечатлениями о женщинах. Он взял мою руку, но, когда я двинулась было за ним следом в сторону стола, остановил меня:

— Нет-нет, задержитесь у окна еще немного. Мисс Хэксби, сделайте милость, подойдите, постоитe здесь

рядом с мисс Прайер. Теперь, мисс Прайер, смотрите внимательно — и увидите нечто интересное!

Надзирательница отворила перед ним дверь, и он исчез во мраке лестничной площадки. Мисс Хэксби приблизилась ко мне, и мы обе уставились в окно. Мисс Ридли подошла к соседнему окну. Внизу простирались три земляных двора, разделенные между собой высокими кирпичными стенами, которые расходились от башни смотрительницы, точно спицы тележного колеса. Над нами нависало грязное городское небо, исчерченное солнечными лучами.

— Чудесный день для сентября, — обронила мисс Хэксби и снова перевела взгляд на дворы под нами.

Я тоже смотрела вниз и ждала.

Какое-то время там было совсем мертво: тюремные дворы, как и вся прочая территория, совершенно голые, лишь гравий да глинистая земля, ни травинки, чтоб затрепетала на ветру, ни жучка-червячка, чтоб птица к нему слетела. Но через минуту-другую я заметила какое-то движение в углу одного двора, а потом точно такое же и в двух других. То открывались двери, и из них одна за другой выходили арестантки. Еще никогда прежде я не видела зрелища столь необычного и поразительного; с высоты башни женщины казались крошечными, словно фигурки в часах или бусинки на нитке. Они вереницей вытекли во дворы и образовали три огромных замкнутых овала. Уже в следующую секунду я бы не сказала, кто из них вышел первой, а кто последней, ибо нигде меж ними не было заметного разрыва и все они были одеты совершенно одинаково: коричневый балахон, белый чепец, голубая косынка, повязанная на шее. Только осанка и особенности поступи выдавали в них живые человеческие существа; хотя все они шли единым медленным шагом, кто-то из них сутулился, кто-то прихрамывал, кто-то зябко ежился, обхватив себя руками; иные поднимали лицо к

небу, а одна, мне показалось, даже вскинула глаза на наше окно и пристально на нас посмотрела.

Перед нами были все заключенные женского корпуса, почти три сотни: по девятости в каждой кружащейся веренице. В углу каждого двора стояла пара надзирательниц в темных плащах. Они обязаны следить за узницами до конца прогулки.

Мисс Хэксби наблюдала за бредущими по кругу женщинами со своего рода удовольствием.

— Видите, как хорошо они держат шаг, — сказала она.

— Заключенные должны сохранять положенную дистанцию между собой. Всякая арестантка, нарушившая дистанцию, получает строгий выговор и лишается части своих прав. Престарелых, больных и немощных женщин или совсем уж молоденьких девочек — а у нас были тринадцати-четырнадцатилетние, верно, мисс Ридли? — надзирательницы выстраивают для прогулки в отдельный круг.

— А почему все молчат, никто словечком не перекинется? — спросила я.

Мисс Хэксби пояснила, что заключенные должны хранить молчание во всех частях тюрьмы; им строго возбраняется говорить, свистеть, петь, даже просто мурлыкать под нос и вообще «издавать любые умышленные звуки», если только таковые не требуются для того, чтобы изложить какую-нибудь просьбу к матроне или добровольной посетительнице.

— И сколько же им так ходить? — спросила я.

— Час.

— А если дождь?

— Тогда прогулка отменяется. Для матрон это очень тяжелые дни, поскольку от долгого сидения в четырех стенах женщины становятся страшно раздражительными и дерзкими.

Говоря, мисс Хэксби пристально смотрела на круговые вереницы людей внизу; одна из них замедлила свое

вращение, рассогласовавшись с двумя другими.

— Ну вот, из-за этой... — она назвала имя женщины, — весь строй едва ползет. Во время обхода, мисс Ридли, непременно поговорите с нею.

Меня изумило, что мисс Хэксби различает женщин. Когда я сказала ей об этом, она улыбнулась и ответила, что видит арестанток на прогулке каждый божий день в продолжение всех их сроков, «и я уже семь лет здесь в должности начальницы, а до этого служила старшей матроной, а еще раньше была рядовой надзирательницей в Брикстоне». В общей сложности мисс Хэксби провела в тюрьме двадцать один год, что гораздо больше срока многих осужденных. И все же иные из женщин, ходящих там внизу, просидят в тюремных стенах дольше времени, чем она. Они поступили сюда при ней, но ей едва ли доведется увидеть, как они выходят на волю...

Я спросила, не облегчают ли ей работу такие женщины, наверняка хорошо знающие тюремный уклад.

— О да, — кивнула она. — Не правда ли, мисс Ридли? Мы предпочитаем сиделиц с длительными сроками.

— Так точно, — подтвердила надзирательница. — По нам, лучше долгосрочницы с одним преступлением за спиной. То есть, — пояснила она мне, — отравительницы, детоубийцы, «купоросницы», к которым судьи проявили снисхождение, избавив от виселицы. Будь у нас тут только такие женщины, мы б распустили всех надзирательниц по домам и предоставили арестанткам самим за собой надзирать. Больше всего досаждают мелкие преступницы, не впервой сидящие: воровки, проститутки, фальшивомонетчицы — вот они-то сущие чертовки, мисс! Зловредные от природы и нипочем не желающие исправляться. Если они и знают наши порядки, то только такие, которые можно безнаказанно нарушить; и знают, какими своими выходками они сильнее всего

попортят нам кровь! Одно слово — чертовки!

Хотя говорила она совершенно спокойно, по спине у меня пробежал холодок. Возможно, оттого, что связка железных ключей у нее на поясе по-прежнему изредка позвякивала, мне слышались сходные металлические нотки и в голосе мисс Ридли. Он вызывал в воображении засов, который можно отодвинуть резко или плавно, но который в любом случае остается железным и звучит соответственно.

Несколько мгновений я молча смотрела на нее, затем вновь повернулась к мисс Хэксби, которая, слушая речь мисс Ридли, слегка кивала, а теперь чуть заметно улыбнулась.

— Видите, как переживают мои надзирательницы из-за своих подопечных! — Она немного помолчала, не спуская с меня своих острых глаз, потом спросила: — Вы считаете нас чрезмерно строгими, мисс Прайер? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Разумеется, вы составите собственное мнение о характерах наших женщин. Мистер Шиллитоу попросил вас стать добровольной посетительницей для них, за что я ему благодарна, и вы вольны проводить с ними время, как сочтете нужным. Однако я должна сказать вам, как сказала бы любой даме и любому джентльмену, которые желают наведаться в тюремные камеры: будьте бдительны! — Слова эти мисс Хэксби произнесла с сильным нажимом. — Будьте бдительны с нашими арестантками!

Она пояснила, что я, к примеру, должна зорко следить за своими вещами. Многие женщины в прошлой своей жизни промышляли воровством, и, если они увидят у меня часы или носовой платок, у них возникнет искушение взяться за старое; посему она настоятельно просит меня не держать подобные предметы на виду, а прятать подальше, как я прятала бы от глаз служанки кольца и ценные безделушки, дабы не вводить в

соблазн.

Также, сказала она, мне надлежит все время помнить, о чем с ними можно разговаривать, а о чем — нет. Нельзя сообщать ни о каких событиях, происходящих в мире за пределами тюрьмы, даже какое-нибудь газетное объявление нельзя пересказать — да-да, последнее ни в коем случае, подчеркнула она, поскольку «газеты у нас настрого запрещены».

Возможно, продолжала мисс Хэксби, кто-нибудь из женщин станет искать во мне наперсницу и советчицу; в таком случае я должна дать ей совет, «какой дала бы матрона: ежедневно раскаиваться в своем преступлении и всеми силами стремиться к честной, благонаправной жизни». Нельзя ничего обещать арестантке, нельзя передавать никаких предметов или сообщений от нее родственникам и друзьям на воле.

— Если заключенная скажет вам, что ее мать тяжело заболела и лежит при смерти, если отрежет прядь волос и слезно взмолится, чтобы вы ее передали умирающей как знак дочерней любви, вы должны отказать. Стоит лишь раз согласиться, мисс Прайер, и арестантка получит власть над вами. Станет угрожать донести на вас и таким образом принудит к содействию ей в разных беззакониях. На моей памяти здесь, в Миллбанке, было два или три громких случая подобного рода, которые закончились очень печально для всех участников.

Вот, кажется, и все предостережения, сделанные мне мисс Хэксби. Я поблагодарила за них, однако все время, пока она говорила, я ни на миг не забывала о тягостном присутствии безмолвной гладколицей надзирательницы и теперь почувствовала себя так, будто благодарю за какое-то суровое наставление свою мать, в то время как Эллис убирает со стола тарелки. Я снова уставилась в окно, на ходящих по кругу женщин, и молчала, погруженная в свои мысли.

— Вижу, вам нравится смотреть на них, — заметила